

ШТРУВВЕЛЬПЕТЕР И СТЕПКА-РАСТРЕПКА: МЕТАМОРФОЗЫ ПЕРЕВОДОВ

Сравнение оригинальных текстов с переводами – весьма увлекательное занятие. Оно дает возможность стать свидетелями интересного диалога, а подчас и спора двух творческих индивидуальностей. Его содержание обусловлено различиями их темпераментов, характеров, судеб, эпох и национальных культур, к которым они принадлежат. Почему переводчик несколько иначе расставил акценты и заменил одно понятие другим, а что-то и вовсе проигнорировал? Связано это с отсутствием должного мастерства, абсолютной невозможностью точно перевести произведение с одного языка на другой или с чем-то иным? Сравнительный анализ оригиналов с переводами может дать богатейший материал для исследования диалога культур и породить множество вопросов. Прежде всего, в какой степени перевод воспроизводит оригинал, а в какой является самостоятельным произведением, отражая прежде всего индивидуальность переводчика и реалии его эпохи и культуры?

Материалом для нашего исследования будут русские переводы книги Генриха Гофмана «Штруввельпетер» второй половины XIX-начала XX века, получившей известность в России как «Степка-Растрепка».

Генрих Гофман был психиатром, а по совместительству и детским врачом во Франкфурте-на-Майне. Однажды он сочинил для своего трехлетнего сынишки несколько забавных ужастиков и снабдил их собственноручными картинками. От этих экспромтов пришел в восторг не только малыш, но и друзья доктора, по настоянию которых они были изданы в канун Рождества 1845 года. Сентиментальные и нравоучительные книги о «хороших детях» всем изрядно надоели, и Генрих Гофман отчасти интуитивно, отчасти основываясь на своем опыте общения с малышами, придумал именно то, что нужно. Вскоре

«Штруввельпетер» (в дословном переводе – Петер-лохмач) стал одной из самых популярных детских книг и был переведен более чем на сто языков.

Кто же населяет книгу Гофмана? Это Каспар, упорно отказывавшийся от супа и поплатившийся за это жизнью; сгоревшая заживо Паулинхен, которая, не внимая пророческому мяуканью мудрых кошек, играла со спичками; Роберт, отправившийся гулять в непогоду и улетевший на зонтике в неизвестном направлении. Другим героям этой книги «повезло» больше: Конрад отделался «всего-навсего» ампутацией пальцев, которые любил сосать; рассеянный Ганс упал в речку; злого Фридриха укусила собака; трое шалунов, дразнивших негра, были выкупаны в чернилах самим святым Николаем. И только наказание Филиппа, перевернувшего воскресный обеденный стол, покрыто мраком неизвестности. Возглавляет же эту компанию лохматый Петер с длиннющими ногтями-когтями и роскошной шевелюрой, которая у современных детей вызывает только восхищение.

В 1853 году Штруввельпетер появился в России под именем Пети-Замарашки, а в 1857 году его переименовали в Степку-Растрепку. На новом месте Штруввельпетер настолько обрусел, что забыл не только свое настоящее имя, но и собственного отца: в большинстве русских переводов этой книги (авторы которых, как правило, неизвестны) имя Гофмана не значится.

Подобное нарушение авторских прав отчасти объяснимо. Степки-Растрепки – не переводы, а скорее переложения Штруввельпетера. Их даже можно назвать самостоятельными произведениями, написанными по мотивам стихов Г. Гофмана. В них другие имена, переименованы или полностью изменены отдельные происшествия. Но не только. Ряд немаловажных достоинств Штруввельпетера полностью исчезли в русских переводах.

Во-первых, Гофман не ругает, не обзывает своих героев, не дает им уничижительных характеристик. Он просто и беспристрастно рассказывает об их поведении. Во-вторых, он не морализирует, не читает длинных нравоучений. Он лишь констатирует факты, наглядно показывая маленьким читателям

неизбежную взаимосвязь между поступком и его последствиями. В-третьих, наказующая сила у Гофмана этически нейтральна; она неотвратима и беспристрастна, словно рок. Детей наказывают не жестокие взрослые, а объективные последствия их поступков.

В Степках-Растрепках данные принципы не всегда соблюдаются. Даже в наиболее близком оригиналу переводе, вышедшем в издательстве М.О.Вольфа в 1857 году, можно найти немало бранных слов, которых нет у Гофмана. Сам Степка-Растрепка назван уродом, другой «герой» – ротозеем, третий – «дураком» и т.д. Что касается прочих Степок-Растрепок, то их авторы буквально поливают грязью своих персонажей. Например, автор Степки-Растрепки, вышедшего в издательстве И.Д.Сытина, так характеризует главного героя: «И неряха, и шалун, / И проказник, и болтун, / И отъявленный шельмец!»

Аналогично обстоит дело и с нравоучениями. Если в переводе издательства Вольфа их еще сравнительно немного, то в других Степках-Растрепках гневные филиппики в адрес персонажей книги занимают большую часть текста.

Теперь о наказаниях. В качестве примера рассмотрим переложения «Чернильных мальчиков» (Tinten-Buben), наказанных за смех над негром самим святым Николаем.

Следует отметить, что эта история заметно выделяется в книге. В отличие от других персонажей, капризничающих за столом, сосущих пальцы и играющих со спичками, герои этого стихотворения дразнят негра, встреча с которым в немецком городе середины XIX века, была большой редкостью. Представляется, что в данном случае негр является символом всех непохожих, к которым часто бывают жестоки не только дети, но и взрослые. Будучи врачом-психиатром, Г.Гофман, вероятно, лучше других понимал эту проблему. Вот почему на помощь непохожему приходит сам святой Николай.

В Степке-Растрепке издательства Вольфа шалунов за тот же поступок наказывает не строгий, но справедливый святой, а «страшный чародей».

Аналогичный герой предстает в «Волшебном фонаре Степки-Растрепки» Ф.И.Пестрякова, вышедшем 40 лет спустя в том же издательстве. Что касается «Забавных рассказов и занимательных картинок для детей от трех до шести лет», то там святой Николай превратился в Буку. В чем причина подобных метаморфоз? Дело в том, что в России Николай, будучи весьма почитаемым святым, не связан в массовом религиозном сознании с детьми, как в Европе. День его памяти в России является прежде всего церковным праздником, в то время как в Европе, особенно в Германии, это прежде всего детский праздник. В тот день святой оставлял своим маленьким подопечным подарки или же лично являлся к ним, держа в одной руке мешок с подарками, а в другой – розгу. Однако такой образ святого русским детям не был знаком. Впрочем, это не единственная причина замены его «страшным чародеем». Ее можно объяснить и цензурными соображениями, ибо в России того времени самый невинный смех, хотя бы косвенно относящийся к официальной религии, мог вызвать неприятные последствия. В результате изменился смысл произведения: юных «расистов» наказывает не святой, а «злой чародей» или Бука, что неизбежно смягчает в глазах читателей их поступок и вызывает к ним даже жалость.

В «Степке-Растрепке» издательства А.Д.Ступина шалунов за аналогичный поступок наказывает трубочист, засунув их в трубу. Представителями этой профессии традиционно пугали детей, однако в этой книге трубочист не просто «заместитель» черта или чародея. Данный образ имеет еще один дополнительный смысл, о котором я скажу позже.

Не менее интересны и метаморфозы портного, отрезавшего пальцы у любителя их пососать.

У Гофмана портной, сколь ни чудовищно жестоко его наказание, предстает как орудие высших сверхличных сил. В «Степке-Растрепке» издательства И.Д.Сытина ему приданы реальные черты. Вместо мистического образа перед нами предстает сумасшедший сосед, симптомы болезни которого переданы с немалым знанием дела: «Он глазами все косил / И с собой всегда

носил / Или ножницы иль нож». В результате опять изменяется смысл текста. У Гофмана наказание есть прямое следствие «преступления». В сытинском Степке-Растрепке картина иная: сосед – сумасшедший и, вероятно, алкоголик (на что намекает его фраза перед ампутацией степкиного пальца: «Только б чарочку винца...») – напал на бедного ребенка, случайно услышав сетование его матери на слишком быстро растущие ногти сына.

Данная тенденция получает дальнейшее развитие в «Степке-Растрепке» издательства А.Д.Ступина. Здесь опять «бедный ребенок» предстает в роли случайной жертвы злодея. На этот раз им оказался «портной из немцев». Гриша, запустив комом грязи в своих товарищей, дразнивших его за неряшливость, попал прямо в шляпу мстительного портного. Таким образом, антинемецкие настроения, довольно распространенные в России, нашли отражение даже в детской книге, имеющей хоть и отдаленное, но все же немецкое происхождение.

Итак, юные шалуны из Степок-Растрепок подчас предстают как случайные жертвы злых сил. Не то чтобы совсем невинные, но все же заслуживающие жалости и сочувствия. Не случайно поэтому постигшие их кары описываются иногда с душераздирающими подробностями. Вот, например, участь улетевшего на зонтике любителя одиноких прогулок в непогоду (издательство А.Д.Ступина): «Может быть, упал он в лес / И расшибся там о сук, / Испытав немало мук / Между небом и землей. / Может быть, он над водой / Пролетая, там погиб, / Став добычей жадных рыб».

Теперь несколько наблюдений, касающихся социально-политической проблематики в «Степках-Растрепках». В Штриввельпетере она вообще отсутствует. Тексты и особенно иллюстрации к нему отражают жизнь городской буржуазии среднего достатка и рассчитаны на детей из этой среды. Иначе обстоит дело в Степках-Растрепках. Перечислим преступления «злого Феди» из Степки-Растрепки издательства Вольфа: «Он крылья вырывал у мух, / И кошек колотил, и слуг, / И бедных птичек убивал, / Ломал он стулья, книги рвал. / Ах, дети, и сказать нет сил! / Он даже нянюшку прибил!» Герой этого

рассказа, изданного еще в период крепостного права, явно принадлежит к дворянской семье. Автор осуждает барчука за битье слуг, однако не видит в этом ничего сверхъестественного: о битье кошек и слуг говорится на одной строке. Иное дело – поднять руку на нянюшку. Юридически она, как и другие дворовые, тоже бесправная рабыня, однако нянюшка в русских дворянских семьях обычно пользовалась уважением и любовью своих господ и занимала привилегированное положение среди слуг. Поднять на нее руку – это святотатство, которое подводит итог всем «преступлениям» сорванца. Именно вслед за ним и приходит кара в образе пса, который достойно постоял за себя.

К дворянскому сословию принадлежат и «Чернушки» (Tinten-Buben) из «Степки-Растрепки» издательства А.Д.Ступина, которые, как мы помним, смеялись над негром. Зовут их Митя, Серж и Поль. Имя Митя имело распространение во всех сословиях. Иное дело – Серж и Поль. Так могли называть мальчиков только из дворянских семей. Этих-то барчуков и наказывает грозный и справедливый трубочист, в уста которого автор вкладывает следующую нравоучительную сентенцию: «Все Богом созданы. / Он черен только цветом, / А вы душой черны / И шалуны при этом». Итак, заслуженное наказание наглых барчуков исходит от представителя пролетариата. Примечательно, что в той же книге он встречается вторично – на этот раз в образе маляра, который вымазал краской лицо мальчику, посмевавшему показать ему язык. (Этой истории у Гофмана нет).

О сословной принадлежности «Степки-Растрепки» издательства Сытина говорится совершенно определенно: «У богатого отца / (а богат, так у купца) / Был сынишка...» Далее автор весьма многословно повествует о том, как Степка портил вещи, причем вещи ценные: «Вещь, как будь ни дорога, / Неизбежного врага / Находила в нем всегда». Итак, основной грех Степки состоит в нанесении материального ущерба своему семейству.

Таким образом, герои «Степок-Растрепок» принадлежат и к дворянству, и к богатому купечеству. Рассчитана же эта книга преимущественно на детей из

простонародья. Об этом свидетельствует и язык книги, временами смахивающий на балагурство, и ее дешевизна, и массовые тиражи.

Убедительным представляется также мнение М. Костюхиной о связи «Степок-Растрепок» с традициями балаганных представлений и лубочных картинок.

Итак, рассказы о «плохих детях» из богатых семей для детей городской бедноты... Едва ли здесь имеет место скрытая революционная пропаганда, однако поляризация российского общества в конце XIX-начале XX века налицо.

Теперь вернемся к «Забавным рассказам и занимательным картинкам для детей от трех до шести лет», где, как мы помним, борцом с «юными расистами» предстает не святой Николай, а Бука. Свою историю автор заканчивает весьма неожиданным пассажем, рассчитанным явно не на малышей, а на их родителей: «Как часто молодежь во вред другим речиста, / Мечтая удивить насмешкой свет... / За письменным столом я видел журналиста: / Чернильница пред ним... да Буки нет!» Заметим, книжка была издана в 1868 году: заканчивалась либеральная весна Александра II, и автор не мог не высказать своего заветного желания: поскорее появился бы долгожданный Бука, который искупает в чернилах зарвавшихся журналистов!

За пределами этой статьи осталась ожесточенная дискуссия, развернувшаяся в русской критике по поводу Степки-Растрепки (именно Степки-Растрепки, а не Штруввельпетера). Тем более, в рамках данной публикации мы не будем обсуждать вопрос о том, насколько полезны или вредны для ребенка подобного рода книги. Триумфальное шествие по планете Штруввельпетера продолжается. На разных языках миллионными тиражами выходят его переводы и переложения. О нем написаны десятки монографий и сотни статей, а центром этих исследований является музей Штруввельпетера во Франкфурте-на-Майне, который также активно занимается помощью детям с ограниченными возможностями. Жизнь доказала ее востребованность, причины которой заслуживают отдельного разговора.

Литература

1. Бенуа А.Н. Мои воспоминания. Кн. 1-3. М.: Наука, 1990. - 711 с.
2. Забавные рассказы и занимательные картинки для детей от трех до шести лет соч. известного писателя Гофмана. Спб.: б/и, 1868
3. Пестряков Ф.И. Волшебный фонарь Степки-Растрепки. М.: изд-во М.О.Вольфа, 1898
4. Степка-Растрепка. М.: изд-во М.О.Вольфа, 1857
5. Степка-Растрепка. Похождения одного неисправимого шалуна. Рассказал И. К-ев. М.: изд-во И.Д.Сытина, 1917
6. Степка-Растрепка. М.: изд-во А.Д.Ступина, б/д
7. Томан И.Б. Метаморфозы св. Николая // Томан И.Б. Праздничные встречи. Христианские праздники в немецких традициях, литературе и искусстве. – М.: МСНК-Пресс, 2006. – С.10-17
8. Томан И.Б. Штруввельпетер и Степка-Растрепка: метаморфозы переводов // Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVIII Кирилло-Мефодиевские чтения. 23-24 мая 2017 года. М.-Ярославль: Ремдер, 2017. – С.185-190
9. Kostjuchina M. Der Struwwelpeter im russischen volkstuemlichen Buch. // Struwwelpost. Hrsg. von Freundeskreis des Heinrich-Hoffmann-Museums. Frankfurt-am-Main, 2001 (№7)
10. Thomann I. Russische Kritik an Stjopka-Rastrjopka: pro et contra // Struwwelpost. Herausgegeben vom Freundeskreis des Heinrich-Hoffmann-Museums. Frankfurt-am-Main. 2003 (№9). S.29-33
11. Thomann I. Russische Übersetzungen des Struwwelpeter // Struwwelpost. Herausgegeben vom Freundeskreis des Heinrich-Hoffmann-Museums. Frankfurt-am-

